

Лингвист Ирина Левонтина: «Качество экспертизы оценивается по тому, насколько она устраивает следователя».

По просьбам членов нашей Гильдии из многих регионов России, мы повторно публикуем важное интервью коллеги из ИРЯ РАН, в котором справедливо обращено внимание на противоречивость и спорность проекта закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предполагающего государственное лицензирование экспертных организаций с 1 января 2018 года. Мы и далее намерены держать эту важную тему в поле активного внимания Гильдии.

Стало известно, что Генпрокуратура и Минюст России разработали проект закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предполагающий государственное лицензирование экспертных организаций с 1 января 2018 года. Гослицензирование экспертов, по мнению чиновников, улучшит качество экспертиз и снизит коррупцию в этой области. О том, нуждается ли судебно-экспертная деятельность в контроле и должен ли он быть государственным, «Новые Известия» поговорили с ведущим научным сотрудником Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Ириной ЛЕВОНТИНОЙ.

– Ирина Борисовна, стоит ли, на ваш взгляд, вводить лицензирование и сертификацию для экспертных организаций?

– Считаю, что не стоит. Если государство в большей степени начнет регулировать деятельность экспертных организаций, то из этого совсем не следует улучшение качества судебных экспертиз. Я жду от этого только вреда.

– Почему вы так считаете?

– Основная проблема экспертиз – в отсутствии независимости. Часто их выполняют эксперты, которые подыгрывают обвинению. И качество экспертизы оценивается с точки зрения того, насколько она устраивает следователя. Очень часто на суде, когда эксперта спрашивают, почему он так написал, тот отвечает: «Так просил следователь». Поэтому есть основания опасаться, что лицензирование будет устроено так же. Получать лицензии будут те, кто дает нужные заключения для следствия, обвинения, суда и так далее. У тех же, кто дает не подтверждающие выводы следствия заключения, появятся трудности. Уже даже есть случаи преследования экспертов в уголовном порядке, попытки привлечь их как соучастников преступлений за то, что их выводы не соответствуют требованиям следствия. К сожалению, вся судебная система в основном подыгрывает обвинению. Может, Минюст и будет проводить прекрасную сертификацию, на него никак не будут влиять интересы следствия и так далее, но, к сожалению, пока у меня нет оснований в это верить.

– Вам доводилось встречаться с «подневольными» экспертами?

– Это часто происходит в тех делах, где есть заказ, где дело политически мотивировано или где одной из сторон является какое-то влиятельное лицо. В таких случаях на экспертов оказывают давление. Я видела своими глазами одну сцену. Происходит судебное заседание, выступают несколько экспертов, официальных, которые работают в центре экспертиз, и говорят нечто, что не устраивает обвинение. После объявляется перерыв. Все эксперты куда-то уходят вместе с представителями обвинения. После перерыва, глядя честными глазами, выступают те же самые эксперты и говорят совершенно противоположное.

– Сегодня, помимо частных экспертных организаций, существуют эксперты, которые работают при госучреждениях и ведомствах. Они проходят аттестацию. Как госконтроль влияет на качество их заключений?

– Я совершенно уверена и точно знаю, что в разных областях есть прекрасные и очень квалифицированные эксперты. Однако опять же нет независимости. Эти люди находятся при каком-то учреждении, получают там зарплату. Бывает, что от вынесенной оценки зависит его положение на работе. Это может иметь неприятные последствия. Кроме того, по делам о наркотиках есть экспертиза ФСКН, а есть экспертиза МВД. Там у экспертов вообще разные представления о прекрасном, разные методики.

– Авторы законопроекта считают, что лицензирование поможет повысить качество судебных экспертиз. Что вы можете о нем сказать?

– Если бы пленум Верховного суда принял постановление, обязывающее судей при принятии решений об экспертизе настаивать на наличии профильного образования у экспертов, этого было бы совершенно достаточно. Никакого лицензирования вводить не нужно. К сожалению, пока часто экспертизу делают люди без профильного образования. Например, есть кандидат физико-математических наук, который постоянно делает лингвистические экспертизы. Он пишет полную ерунду и продолжает это делать. Конечно, если лицензирование исключит из сферы людей, не имеющих профильного образования, это будет хорошо. К сожалению, я боюсь, что всё это лицензирование будет связано не с проверкой на наличие профильного образования, а просто с обеспечением подконтрольности экспертов и получением заведомо нужных результатов экспертиз.

– Как можно исправить ситуацию и добиться независимости экспертов?

– Нет какого-то простого способа. Нужно только добиваться большей открытости, появления общественного контроля, независимости, состязательности. Пока к данной сфере отсутствует внимание гражданского общества. Поймите, если есть независимость, свободная конкуренция, реальная состязательность, качество повышается само собой. Если же нормальной конкуренции нет, то эти дополнительные препоны, лицензирование и прочее превращаются еще в один инструмент давления, манипуляции и произвола.

– Как может помочь открытость экспертиз?

– Приведу пример. Сейчас, когда были громкие дела, публиковались многие экспертизы. Всем стало видно, какая некачественная судебно-психиатрическая экспертиза была проведена в деле Михаила Косенко (один из фигурантов «болотного дела»). Когда было дело Pussy Riot, центр экспертиз при Минюсте дважды дал экспертное заключение, которое не устроило следствие. В итоге были найдены эксперты, часть из которых вообще не имели профильного образования. Они написали страшно некачественное заключение, которое устраивало следствие. Оно вызвало много нареканий у общественности. Открытость позволяет выявить глупые экспертизы.

– Чем обычно характеризуются ложные заключения?

– Их часто видно невооружённым глазом. Обычно в некачественных заключениях присутствует длинная вводная часть, которая довольно мало имеет отношения к исследуемому вопросу. Затем фактически нет анализа материала. Далее следуют нужные следствию выводы, которые никак не связаны со всем предшествующим. Например, я недавно читала экспертизу, где цитируется

стенограмма: «В сумме два». Специалист пишет: «Говорится, что будут переданы два миллиона евро». Откуда специалист взял, что не долларов, не рублей? Почему именно миллионов, а не тысяч? Из лингвистической экспертизы этого никак нельзя извлечь. Человек просто написал, что ему сказал следователь. В таком случае надежда только на открытость и на судью, который сделает правильные выводы или затребует повторную экспертизу.

– Можно ли верить, что специалисты Минюста смогут справиться с задачей лицензирования экспертных организаций?

– Я бы так не сказала. Откуда мы знаем, кого назначат в эту комиссию, выдающую лицензии? Может быть, люди сами неквалифицированными окажутся? Может, они окажутся взяточниками и сделают это способом получения какого-то дохода? В отсутствие общественного контроля и неработающих институтов гражданского общества любая из этих мер приведет только к противоположному результату.

– Вам известен опыт других стран в области судебно-экспертной деятельности?

– Опыт самый разный. Во многих странах, например, лингвистические экспертизы вообще не делаются. На самом деле какое-то универсальное средство предложить невозможно. Может помочь только оздоровление всей судебной системы в целом. В рамках этой более эффективной судебной системы может повыситься и качество экспертизы. Если судья знает, что с него спросят, почему он принял на веру глупые выводы заключения, то он начнет внимательнее относиться к экспертизам.

<http://www.newizv.ru/society/2015-09-30/228101-lingvist-irina-levontina.html>